

ЛЕОНИД АНТИПЕНКО

ПЕРЕД РАССТРЕЛОМ: ОКТЯБРЬ 1993-го

Короткий репортаж о событиях на баррикадах, которые предшествовали расстрелу Верховного Совета 4-го октября 1993 года.

Второго октября московские упыри – так мы называли тогда представителей московского ОМОНа – застрелили на глазах у сотен людей ничем не провинившегося пожилого человека. Случилось это на Смоленской площади. Был ли убитый участником проводившегося там санкционированного митинга, неизвестно. Но пролитая кровь невинной жертвы всколыхнула собравшихся на митинг. И они восстали! Первоначальная сила восставших – несколько сот безоружных людей; сила, им противостоявшая, – около двадцати тысяч вооружённых до зубов «стражей порядка», сконцентрированных вокруг Дома Верховного Совета и непосредственно на Смоленской площади. Но на нашей стороне была сила праведного духа, направленного против творившегося в Москве уже много дней произвола и беззакония.

Зверства ОМОНа

В считанные минуты были возведены первые баррикады, затем перекрыто Садовое кольцо, и вскоре уже тысячи прибывших туда москвичей стали возводить новые баррикады вокруг центра стихийного взрыва. Упыри получили в тот день первый отпор и, похоже, поняли, что им уже не справиться с восставшим народом. Именно тогда и там многим из нас пришли на память строки из стихотворения Лермонтова: «Мы долго молча отступали...».

Был ясный солнечный день, вселивший в нас в те часы уверенность в нашей конечной победе, уверенность, оставшуюся непоколебимой даже после страшных дней расстрела Верховного Совета. Об этих днях очевидцы

расскажут и напишут в первую очередь. Я же хочу рассказать о том, какие

дни и ночи предшествовали последним.

Блокада Дома Советов

Я начну описывать события – осязаемые воочию – с того момента, когда уже почти сомкнулось вражеское кольцо вокруг здания Верховного Совета. В пятницу 24-го сентября на исходе дня кто-то из лидеров патриотического движения призвал мужчин записываться в дружины народного ополчения. Робко пока, очень робко, говорил он в мегафон, вливаются люди в отряды защитников, гораздо быстрее отзываются на просьбы о сборе материальной помощи, а бойцов не хватает. Мы с Василием П. подошли к столу регистрации. Потянулось много и других парней. Поздним вечером было организовано три батальона. Нас выстраивали повзводно, два раза предупреждали о том, что готовится штурм здания. Каждому предлагался свободный выбор – оставаться в дружине или её добровольно покинуть. Ни один человек из строя не вышел. Между тем неприятель уже предпринял психическую атаку. Около здания бывшего СЭВ подожгли какие-то декорации. Чёрный столб дыма взметнулся в небо. Впечатление было такое, что горит «мэрия». Видимо, готовился киномонтаж типа: «защитники Верховного Совета напали на «мэрию» и подожгли её». Но пожара как такового всё-таки не было. Со стороны «мэрии» несло смрадом. Ночью наш батальон занял оборону в правом, самом отдалённом углу площади перед Домом технического творчества молодёжи. Надо было искать подручные средства защиты. И – любопытный момент: при возведении баррикад обнаруживается удивительная способность людей, вставших на защиту правого дела, – доставать буквально из-под земли всё, что нужно для отпора:

камни, куски железа, металлические трубы и т.д. и т.п. Тут же, в кольце блокады, неисповедимыми путями появились и бутылки с бензином – то самое крайнее средство, которое мы могли себе позволить употребить в дело. Кстати сказать, не только наши доморощенные упыри, но и карательные части других стран мира хорошо понимают силу такого оружия. (Когда у омовца загораются полы шинели, ему мало помогают дубинка, бронежилет, автомат).

В четвёртом часу ночи хлынул с неба ливень, казалось, что погода восстала против нас. Может быть, кто-то не поверит, но это так: вместе с третьим батальоном всю ночь на баррикадах стояли подростки, и даже в те часы, когда небо разверзлось потоками воды. Особенно мне запомнилась стайка ребятшек из четырёх человек в возрасте от 9 до 14 лет – трое мальчиков и одна девочка.

Баррикада защитников

Ночь с 25-го на 26-е сентября принесла нам некоторую передышку от напряжения. Горели костры, разносились по площади песни, играла гармошка. Особенно часто звучали слова гимна защитников Москвы 1941 года: «Мы не дрогнем в бою за столицу свою...». Точка же наибольшей тревоги и мобилизованности была пережита в ночь с воскресенья на понедельник. Ночь выдалась звёздная, ясная. Тревожные сообщения поступили ещё с вечера. Но никакой паники нигде не проявилось: полная готовность, сосредоточенность, мобильность. В ответ на сигналы дозорных «тревога! тревога!» люди моментально сосредоточивались на наиболее уязвимых участках обороны.

Мужество русской женщины

А перед глазами творилось нечто почти невероятное: по ту сторону баррикад десятки машин, тысячи и тысячи вооружённых индивидов, их непрерывные манёвры, обходы, психическая атака. Утром одна из наших защитниц – хрупкая с виду женщина – Лена З. сказала: «Мы побывали в эту ночь на краю гибели, но я верила, что, несмотря на все наши грехи, Всевышний нас не оставит. Самая возвышенная ночь в моей жизни».

Чуть позже мы узнали, что на 4.00 утра 27-го сентября был назначен штурм. Я надеюсь, читатели знают, что на какое-то время предотвратило эту чудовищную акцию – обращение Хасбулатова через журналистов телевизионной компании «Си-эн-эн» к лидерам всех государств и народов мира. На этот раз сотрудники «Си-эн-эн» непредвзято выполнили свой журналистский долг.

Казачья баррикада

Следующая ночь с понедельника на вторник выдалась холодной и сырой. Дождь пошёл ещё днём. Вечером мы с Таней обходили защитников баррикад и раздавали привезённые из дому тёплые вещи. Спасаясь от холода, ребята принимали всё: нижнее бельё, шарфы, свитера, шапки, варежки, рукавицы; нашлась даже одна тельняшка. Первая баррикада на нашем пути – заслон со стороны метро «Баррикадная». Тут стояли казаки. Ребята большей частью были одеты по-летнему, в лёгких куртках, в одних рубашках. Я не располагаю

фотоснимками этих мужественных людей, но фотографию казачьего атамана и его подопечных читатели могут увидеть в газетах «День» и «Советская Россия» («Сов. Россия» от 28-го сентября, 3-я стр.). Я прошу посмотреть на эти фотографии, чтобы каждый мог убедиться, сколь лживы наши «демократические» СМИ, разносящие по всему миру брех о том, что на защиту Дома Советов встала лишь кучка бомжей и хулиганов.

Та же казачья баррикада - вид со стороны станции метро "Баррикадная"

Дождь на этот раз загнал большую часть людей в помещения. В вестибюле 8-го подъезда расположились пожилые мужчины, женщины, дети. Тут можно было встретить жителей многих близлежащих городов России – Иванова, Костромы, Тулы, были люди из Белоруссии, из дальних зарубежных стран (студенты Ирана). Таким же приютом послужили и помещения спортзала, но они были разделены на две части: в левой – бойцы, готовые в любую минуту достать боевое оружие, в другой части – гражданские защитники, которые получили право лишь на применение булыжника да на бутылку с зажигательной смесью. Отдыхали на полу, кто лёжа, кто сидя. Под самое утро, ближе к рассвету сон сморил многих. И именно в это время, в 5.30, раздались с разных сторон голоса: «Тревога! Тревога!». Я вскакиваю в кромешной темноте спортзала – к этому времени у нас погасла единственная свечка – и выбегаю во двор. Открывается зрелище омерзительное по своей сути. Перед нами, за баррикадами, со стороны гостиницы “Мир”, развёртывалась картина подготовки к наступлению целой дивизии и, может быть, даже не одной: перебежки отдельных отрядов солдатни вправо и влево, движение в нашу сторону, рык дизельных моторов, смрад копоти перегоревшего дизельного топлива. Особенно выделялись водомётные машины. Им, по-видимому, отводилась задача не столько рассеивать людей, сколько спешно смывать с асфальта нашу кровь. Долго кружили рядом с гостиницей милицейские машины с зажжёнными фарами. Впечатление осталось такое, будто какая-то единая рука собрала большое количество навозных жуков и бросила их в одно место перед гостиницей. Они ещё не до конца знали, что делать и копошились в беспорядке. Но мы уже чувствовали:

штурма не будет, огромный город просыпался, московский обыватель высыпал на улицы, торопился на работу или с работы домой.

Оцепление со стороны гостиницы "Мир"

Во второй половине дня я вышел за кольцо блокады, чтобы помочь строить баррикады за пределами вражьей осады. Вечером, часов в 17, начался митинг у перекрытого, со стороны метро «Баррикадная», прохода к Дому Советов. Много знакомых лиц. Среди них встречаю писателя В.И.Белова. Просьба от митингующих к стражникам только одна: пропустить к Дому людей, принесших продукты питания осаждённым. В ответ – окружение митингующих, дубинки, избиение людей, крики, стоны. Передо мной проносят женщину с рассечённой головой. Неизвестно, теплится ли ещё в её теле жизнь. Дождь льёт непрерывно. Но в данной ситуации он наш союзник. Упыри применяют отравляющие газы (кажется «черёмуху»). С их стороны появляются кучки дыма, женщины смачивают в лужах носовые платки и прикладывают к лицам. Но, к счастью, при сырой дождливой погоде ОВ быстро оседают на землю. Пострадавших от удушья немного.

Задержание протестующей

Митингующих рассекают. Нас, небольшую часть от общей массы, гонят на улицу Красная Пресня. Перегораживаем улицу баррикадой. Но защиту баррикады приходится снимать. Дело в том, что упыри гнали перед собой переодетых в милицейскую форму молоденьких солдатиков, а сами прятались за их спины. Забрасывать камнями этих юношей никто не решился. Зато люди старшего поколения тут же вспомнили повадки СС, когда они гнали впереди себя наших стариков, женщин и детей, штурмуя партизанские бастионы или части Советской армии, попавшие в окружение и отчаянно защищавшиеся.

Стычки демонстрантов с милицией

Наши и не наши

Теперь о людях с той стороны, о наших и не наших. Нас, наших, в Москве, тех наших, которые вышли на баррикады, очень немного, буквально десятки тысяч человек. Но какие же это люди! На Смоленской площади 2-го октября против них пустили водомётную машину – устояли! Пластиковые пули ОМОН'а оказались бессильны. И тогда, как уже известно, 3-го октября пустили танки, БТР'ы. Но и в этих условиях, в условиях, когда армия выступила против собственного народа, на улицах Москвы шла отчаянная борьба. На баррикадах, у стен Дома Советов, несмотря на все бандитские угрозы в адрес защитников (омоновский БТР применял для этих целей 120-децибельную громкоговорящую установку), поддерживалась обычная человеческая жизнь. Каждый день выходила стенгазета, расклеивались плакаты. В одной стенгазете проглядывала физиономия Е.Б.Н. за решёткой: фотография весёлого диктатора. Ведь за решёткой ему было бы легче сохранять маску страдальца, то прыгающего с мешком на голове в Москва-реку, то подвергающегося нападению со стороны непонятного автомобиля. И в других стенгазетах и плакатах тонко подмеченные черты фюрера местного разлива. О песнях и самодеятельности я уже говорил. В минуты наивысшей

опасности стихийно прорывались, а затем подхватывались всей площадью слова «Варяга»: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает...».

Защитники Конституции на площади у Дома Советов

О них, о не наших, можно в общем сказать, что в них воплощались силы зла, а зло не имеет человеческого лица. Каждый видел на экране телевизионных шлюх, изрыгающих из своих глоток потоки лжи. Их кукловоды творили свою чёрную мессу в ложах. Но в последнюю ночь с 3-го на 4-е октября вылезли на экраны и они. На услуги сорокиных, медведевых, митковых уже нельзя было положиться. Появились на телевидении на какое-то время, а затем исчезли, те, кто возглавляет непосредственно оккупационный режим.

ОМОНовцы в белых касках на Крымском валу

ОМОН

С этими существами в человеческой форме нам пришлось сталкиваться наиболее часто. На улицах Москвы орудовали две их разновидности – омонцовцы в белых касках со щитами и дубинками (и, конечно же, с автоматическим оружием АКСУ) и омонцовцы в чёрно-коричневых куртках, чёрных беретах со значками «ОМОН» на груди. Люди, как правило, со стеклянными глазами, с садистскими наклонностями. Да и люди ли это? Скорее, нелюдь. Не знаю, подходят ли к ним какие-либо мерки человеческого

общежития. Мне кажется, даже такой гражданский институт, как уголовный суд, к ним мало применим. Я не сторонник пролития крови даже по отношению к преступникам, тем более я далёк от призывов расстреливать упырей. Мне кажется, было бы более уместно изолировать их и держать в клетках как диких зверей. В среду вечером 29-го сентября прохожие около метро «Улица 1905 года» наблюдали такую сцену. Десятка два упырей, без щитов, но с дубинками, насакивали на отдельных москвичей, сбивали с ног, били палками, топтали ногами, а затем бегом удалялись на исходную позицию. Старик-инвалид застрял в дверях метро и стал жертвой этих садистов: били и топтали ногами со вкусом, пока мы, человек пять прохожих, не успели выхватить его из лап этих нелюдей и втащить в вестибюль метро.

Избиение у Баррикадной

И в заключение несколько слов о московском обывателе. Обыватель в милицейской форме примитивен и стереотипен. На все жалобы о произволе звучит заранее заготовленный ответ: «Мы выполняем приказы того президента, которого вы избрали. Чего же вы хотите?». Лавочник и бейтаровец откровенно груб и циничен. Его призывы к ОМОН'у – бить, душить этих «красно-коричневых». Старухи, бывшие комсомолки, те, кто испытывает похотливое наслаждение, читая «Московский комсомолец», орут в такт лавочникам. Но есть ещё и категория стыдливого обывателя. С одним таким я встретился в поезде метро. Он читал «Московский комсомолец». Я ему говорю: «Что же ты читаешь эту мерзость?» Ответ: «Да я им не верю», и с этими словами, опасливо озираясь вокруг, вынул «Советскую Россию». Самым отвратительным типом на улицах Москвы является шабес-гой (напомним, что гоями евреи называют всех не-евреев, а «шабес» означает «собака»: шабес-гой, значит те, кто как собаки прислуживают своим хозяевам. Для шабес-гоев не существует никаких понятий родины, патриотизма, они лишены чувства национальной принадлежности. Каждый шабес-гой заранее знает, что съезд народных депутатов России состоит из одних «коммуняков», что к таковым же относятся Руцкой и Хасбулатов и так далее. Спорить и убеждать таких типов бесполезно. На все ваши доводы они

ответят гаденькой ухмылкой. Излечить их от собачьего недуга могут только те условия, в которых они уже не смогут удовлетворять свои чисто физиологические потребности.

Ребята из Русского Национального Единства

Главный урок

Наконец, о главном уроке анти-конституционного переворота. У нас всегда фашизм как-то ассоциировался со свастикой. Какое заблуждение! Фашизм-то может выступать и сегодня выступает под знаком красной звезды. Напротив, русские националисты, у которых на рукавах курток стилизованная арийская свастика, оказались в первых рядах защитников народовластия – защитников Дома Советов.

Почему же мы встали на защиту Верховного Совета? Не Хасбулатова или Руцкого мы пришли тогда защищать. Мы пришли потому, что враг бросил нам вызов, ломая конституционный порядок. Площадь Верховного Совета стала для нас Полем чести, на котором мы были готовы стоять насмерть. И подвиг защитников Дома Советов впишется в историю русского народа, как навсегда вписаны в неё деяния наших славных предков: Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, Жукова и Сталина.

ОМОНовцы готовы на всё

Когда я начинал писать этот, с переднего края битвы, репортаж, у меня произвольно выстроился ряд слов, характеризующих московский ОМОН: «Омоновец – это прежде всего ненависть, но она не сродни ярости голодного зверя, это ненависть нехристя, ненависть против того, кем он сам, может быть, ещё недавно был и от кого отпал, значит – против людей и человечности». Теперь, после расстрела Дома Верховного Совета, 3-4-го октября, и эти слова уже померкли. Несколько дней тому назад президент США Клинтон внёс Россию в списки «развивающихся» стран. Надо было ему сделать только одно уточнение: «развивающихся» по южно-американскому образцу, где время от времени армейские генералы и полковники расстреливают народы своих стран в очередных путчах. Наши генералы и полковники оказались достойными преемниками южно-американских горилл.

Ну а вечером 3-го октября, перед тем как в Доме Советов в последний раз погасили свет, из динамика прозвучала бессмертная песня на стихи Расула Гамзатова:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Души наших убитых товарищей станут невидимой мощной стеною в новые ряды борцов с самой страшной формой фашистской чумы – демо-фашизмом. Осенью 1941 г., когда немецкие фашисты стояли под Москвой и разглядывали в свои подзорные трубы улицы большого города, В.И.Вернадский, один из основателей учения о биосфере и ноосфере, записал в своём дневнике примерно такие слова: «Немцы обречены, так как они восстают против ноосферы, сферы разума...». И теперь мы можем сказать то же самое: демо-фашизм (сионо-фашизм) обречён, если на Земном шаре не погаснут последние очаги разума и человеческой жизни.

Сегодня 5-го октября, на площади расстрелянного Дома Советов уже успели смыть кровь безвинно погибших наших русских людей, но ещё валяются остатки американской колючей проволоки...

Память о тех днях сохраняется и десятилетия спустя

Октябрь 1993 года.